2
Л. И. Брежнев в современной зарубежной историографии

В. М. ЗУБОК

Добро пожаловать в Афганистан!

<Фрагмент>

Члены Политбюро, особенно члены триумвирата Гречко, Андропов и Устинов, продолжали ошибочно считать, что разрядка стала возможной в основном благодаря «новому соотношению сил» и советской военной мощи, которая заставила западные страны сесть за стол переговоров. В течение некоторого времени подобное заблуждение не приводило к фатальным промахам в советской политике. Но в случае с Афганистаном последствия такого видения разрядки выявились самым роковым образом. В апреле 1978 г. в результате военного переворота в Кабуле к власти пришла Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА). Сразу же после провозглашения победы «Апрельской революции» ее руководители обратились к СССР за помощью. Советские руководители, военные и КГБ не имели никакого отношения к этому событию и совершенно не были к нему готовы. Даже советские спецслужбы узнали об этом перевороте уже после его свершения. Как заметил Реймонд Гартхоф[1], первым камешком, повлекшим за собой целую лавину событий в Афганистане, вполне могли оказаться действия Ричарда Никсона и его союзника, шаха Ирана. В 1976 и 1977 гг. шах, действуя в роли «американского шерифа» в регионе, убедил президента Афганистана Мухаммада Дауда[2] покончить с давней ориентацией этой страны на СССР и очистить афганскую армию и госаппарат от леваков и сторонников Москвы*. По иронии судь-

---

* *Garthoff R.* Journey through the Cold War. P. 285. Прекрасно документированное и авторитетное описание событий, предшествовавших вводу советских войск в Афганистан, представлено в книге А. Ляховского «Пламя Афгана» (с. 11–46).

бы, шахский режим в Иране пал вскоре после того, как революционный хаос сменил стабильный режим в Афганистане. Покой и равновесие в регионе оказались нарушены с катастрофическими последствиями на многие десятилетия.

С точки зрения Кремля «революция» в Афганистане из-за близости этой страны к советским границам в Средней Азии имела для СССР совсем другое значение, чем события в Африке. По мере того как росла нестабильность у южных рубежей, в Москве все сильнее крепло искушение превратить Афганистан в надежного сателлита, который находится под строгой опекой Советского Союза. Что касается КГБ, то здесь, как всегда, царил дух соперничества с американцами. Как вспоминает один из бывших старших офицеров КГБ, он относился к Афганистану как к региону, входящему в советскую сферу влияния, и потому был уверен, что Советский Союз «должен делать все возможное, чтобы помешать американцам и ЦРУ установить там антисоветский режим». После революционного переворота 1978 г. программы помощи Афганистану множились день ото дня — по линии Минобороны, КГБ, МИД, а также других ведомств и министерств, в том числе связанных с экономикой, торговлей, строительством и образованием. Из Москвы и республик Средней Азии в огромном количестве поехали в Кабул партийные делегации и советники. Нет сомнений, что советские чиновники руководствовались теми же побудительными мотивами, что двигали ими в Африке. Между прочим, советские представители и советники в Афганистане тоже получали приличные деньги в иностранной валюте, сопоставимые с теми, что зарабатывали их коллеги в Анголе, Эфиопии, Мозамбике, Южном Йемене и в других странах третьего мира, где специалисты из СССР, выполняя свой «интернациональный долг», помогали «странам социалистической ориентации»*.

Очень скоро советские советники, приехавшие в Афганистан по линии различных ведомств, оказались вовлечены в жестокую фракционную борьбу внутри НДПА. Лидеры радикальной фракции Хальк — премьер-министр Нур Мухаммад Тараки и его предприимчивый заместитель Хафизулла Амин — приступили к чистке рядов НДПА от конкурентов из фракции Парчам, состоящей из догматичных марксистов-ленинцев. Амин и Тараки верили в революционный террор, но еще больше их вдохновляли

---

* *Корниенко Г. М.* Холодная война. С. 190; *Kalugin O., Montaigne F.* The First Directorate. N. Y.: St. Martin's, 1994. P. 230–233; *Mitrokhin V.* KGB in Afghanistan // CWIHP working paper № 40. Washington, D. C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2002.

сталинские методы. В сентябре 1978 г. в Афганистан с секретной миссией был направлен глава международного отдела ЦК КПСС Борис Пономарев, он должен был предупредить Тараки о том, что в случае, если он продолжит преследование своих соратников по революции, СССР от него отвернется. Однако подобные предостережения, как и призывы к единству в партии, не были услышаны. Афганские революционеры были уверены, что Советский Союз не бросит их на произвол судьбы, и были правы. Незадолго до приезда Пономарева в Кабуле побывал Владимир Крючков, начальник Первого главного управления КГБ (отвечавший за внешнюю разведку), который подписал с афганцами соглашение о сотрудничестве по обмену разведывательной информацией. Общей целью была борьба «с растущим присутствием ЦРУ в Кабуле и повсюду в Афганистане»*. 5 декабря 1978 г. Брежнев и Тараки встретились в Москве и подписали Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Тараки вернулся в Кабул, убежденный в том, что Брежнев поддерживает его лично. Генсеку и в самом деле нравился обманчиво приветливый руководитель Афганистана, когда-то сочинявший романтические «вирши»**.

В марте 1979 г. благодушные настроения в Москве были нарушены зловещим сигналом тревоги. В провинции Герат вспыхнул антиправительственный мятеж, в ходе которого повстанцы жестоко расправились с кабульскими чиновниками, советниками из СССР и членами их семей. Тараки и Амин настойчиво звонили в Москву с отчаянной просьбой ввести советские войска, чтобы «спасти афганскую революцию». В Герате впервые громко заявили о себе новые силы — вооруженные группы пуштунских националистов и исламских фундаменталистов. И снова члены Политбюро были застигнуты врасплох и не смогли адекватно оценить возникшую ситуацию. Записи проходивших в Кремле обсуждений с поразительной ясностью показывают, насколько опасно и неадекватно в кризисной ситуации было фиктивное руководство, осуществляемое от лица отсутствовавшего Брежнева членами тройки. В начале обсуждения триумвират, отвечавший за внешнюю политику и безопасность, выступил за то, чтобы ввести советские войска и спасти кабульский режим. Все Политбюро согласилось, что «потерять Афганистан» как часть территории, входящей в советскую зону влияния, недопустимо

---

* *Kalugin 0., Montaigne F.* The First Directorate. N. Y.: St. Martin's, 1994. P. 232.

** *Westad O. A.* The road to Kabul: Soviet Policy on Afghanistan, 1978–1979 // The Fall of Ddtente: Soviet-American Relations during the Carter Years / Ed. O. A. Westad. Oslo: Scandinavian University Press, 1997. P. 123–124.

ни с геополитической точки зрения, ни с идеологической. Брежнев в это время отдыхал на даче. В отсутствие генсека предложение о вторжении стало набирать неодолимую силу, словно снежный ком, который скатывается с горы вниз, возрастая и не встречая сопротивления. В Политбюро не нашлось ни одного человека, кто рискнул поднять голос против «спасения» Афганистана*.

На следующий день все изменилось: за одну ночь все аргументы в пользу военного вторжения в буквальном смысле испарились. Первым, кто сказал вслух правду, был Устинов: кабульское руководство хочет, чтобы советские войска сражались против исламских фундаменталистов, при том что эту угрозу они создали сами своими радикальными реформами. Андропов уверял, что «мы можем удержать революцию в Афганистане только с помощью своих штыков, а это совершенно недопустимо для нас. Мы не можем пойти на такой риск». Громыко привел другой довод: «Все, что мы сделали за последние годы с таким трудом, в смысле разрядки международной напряженности, сокращения вооружений и многое другое, — все это будет отброшено назад. Конечно, Китаю будет этим самым преподнесен хороший подарок. Все неприсоединившиеся страны будут против нас. Одним словом, серьезные последствия ожидаются от такой акции». Кроме того, министр иностранных дел напомнил членам Политбюро, что из-за военного вторжения в Афганистан придется отменять саммит с Картером в Вене, а также визит президента Франции Жискара д'Эстена в СССР, намеченный на конец марта**.

Откуда вдруг взялись рассудительность и реализм? Почему члены Политбюро так резко поменяли свое мнение? Очевидно, благодаря дополнительной информации, в частности телефонному разговору Косыгина с Тараки, который прояснил ситуацию в Афганистане. Однако определяющую роль, видимо, сыграло личное вмешательство Брежнева, а также позиция его помощника по международным делам Александрова-Агентова***. Как выразился Громыко, Леонид Ильич стеной стоит за разрядку. Он был крайне заинтересован в том, чтобы наконец-то встретиться с Картером и подписать подготовленный Договор об ОСВ. В этой ситуации, как и весной 1972 г., генсек хотел избежать любых

---

* Стенографическая запись заседания Политбюро ЦК КПСС. Обострение ситуации в Демократической Республике Афганистан и наши возможные действия. 17–19 марта 1979 г. (РГАНИ. Ф. 89. Пер. 25. Док. 1).

** Там же.

*** Карен Брутенц подтверждает эту версию. См.: *Брутенц К. Н.* Указ. соч. С. 465.

шагов, которые могли бы осложнить саммит с Картером и другие встречи с руководителями западных стран. Кроме того, Брежнев опасался любого военного вмешательства и считал, что на это можно пойти лишь в самую последнюю очередь, когда другие средства исчерпаны. Леонид Ильич присутствовал на втором и третьем заседании Политбюро по афганскому кризису и твердо выступил против военного вмешательства. После того как советский военный самолет доставил Тараки в Москву, Брежнев сообщил ему, что советские вооруженные силы не будут посланы в Афганистан. Афганскому лидеру была обещана дополнительная помощь для усиления афганской армии. Также СССР обещал оказать давление на Пакистан и Иран, чтобы те прекратили засылать в Афганистан радикальные исламские формирования со своей территории. Выслушав краткий ответ Тараки, Брежнев поднялся с места и вышел, давая понять, что вопрос исчерпан*.

Однако решение не посылать войска в Афганистан было не таким твердым, как оно казалось вначале. Первоначальная паническая позиция членов триумвирата, боявшихся «потерять» Афганистан, грозила рецидивами. Иллюзорную задачу повести за собой Афганистан «ПО пути социалистических реформ никто с повестки дня не снимал. Скорее наоборот. Члены комиссии Политбюро по Афганистану Громыко, Андропов, Устинов и Пономарев подтвердили эту задачу в своей записке в Политбюро вскоре после отъезда Тараки из Москвы. В результате материальные вложения СССР в кабульский режим увеличились, а число советских советников, в основном военных специалистов и сотрудников спецслужб, достигло приблизительно 4 тыс. человек**.

Все эти меры сыграли важную роль на следующем этапе борьбы за власть в Афганистане — между Тараки и Амином. Исход можно было предвидеть давно. Хафизулла Амин был гораздо более волевым и решительным руководителем. И характером, и манерами он очень напоминал иракского лидера Саддама Хусейна. Образцом для подражания Амин считал Сталина. Он был готов на неограниченное применение силы для установления своего

---

* Запись о встрече А. Н. Косыгина, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинова и Б. Н. Пономарева с Н. М. Тараки, 20 марта 1979 г. (РГАНИ. Ф. 89. Пер. 14. Док. 26); запись беседы Л. И. Брежнева с Н. М. Тараки, 20 марта 1979 г. (РГАНИ. Ф. 89. Пер. 14. Док. 25).

** Наша будущая политика в связи с ситуацией в Афганистане. 1 апреля 1979 г. Записка Громыко, Андропова, Устинова и Пономарева — ЦК КПСС (CWIHP Bulletin № 3 (Fall 1993). P. 67–69); из-за утечки информации данные американской разведки о количестве советских советников в Афганистане появились в печати: New York Times, April 13, 1979.

режима и был готов рисковать по-крупному ради осуществления своих честолюбивых планов. Его энергичные действия по модернизации и наведению дисциплины в афганской армии и во время подавления восстания в Герате снискали ему симпатии со стороны советских военных советников. Однако Брежнев был на стороне Тараки. В начале сентября 1979 г., когда Тараки по пути домой из Гаваны, где проходила встреча стран — участниц Движения неприсоединения, остановился в Москве, Брежнев и Андропов пригласили его на доверительную беседу. Они предупредили афганского президента об угрозе, исходящей от Амина, и о том, что тот уже убрал преданных Тараки людей с ключевых постов в органах безопасности. Есть основание предполагать, что после этого разговора сотрудники КГБ совместно с работниками советского посольства в Кабуле предприняли попытку избавиться от Амина, но их план привел к обратному результату. Амин арестовал Тараки и 9 октября отдал приказ задушить его в тюремной камере. После чего Амин выслал из страны советского посла, считая его замешанным в заговоре против себя*. Леонид Ильич принял близко к сердцу неожиданное известие об убийстве своего любимца. Эта смерть заставила генсека иначе взглянуть на судьбу афганской революции. Как утверждает врач Брежнева, тот будто бы сказал Андропову и Устинову: «Какой же это подонок — Амин: задушить человека, с которым вместе участвовал в революции. Кто же стоит во главе афганской революции? — говорил он при встрече. — И что скажут в других странах? Разве можно верить слову Брежнева, если все его заверения в поддержке и защите остаются словами? Именно с этого момента стало вызревать решение о том, чтобы ввести войска *в* Афганистан и устранить Амина. По свидетельству Черняева, почти сразу же после убийства Тараки помощник Брежнева по международным делам Александров-Агентов якобы сказал одному из ответственных работников в международном отделе ЦК, что надо вводить войска в Афганистан**.

Возможно, бурное развитие с января 1979 г. революционных событий в Иране, провозглашение 31 марта того же года Исламской республики Иран, усиление иранской поддержки исламистских

---

* *Гай Д., Снегирев В.* Указ. соч. С. 204–208. Телеграмма с предупреждениями об угрозе со стороны Амина датирована 13 сентября, и Добрынин ссылается на нее в своих записках. См.: Lysebu II. C. 89; *Westad O. A.* Fall of Ddtente. P. 129–130.

** *Чазов Е. И.* Указ. соч. С. 152; Записи Черняева, 30 декабря 1979 г.: NSARch. Черняев ссылается на Карена Брутенца, который якобы слышал мнение Александрова-Агентова. Однако в своих мемуарах Брутенц этот факт не упоминает.

повстанцев на юго-западе Афганистана также способствовало тому, что советское руководство взглянуло новыми глазами на решение о вводе войск в Афганистан. Кремлевские вожди не могли даже предположить, что иранская революция положит начало новой эре радикального исламизма, которая переживет и холодную войну, и Советский Союз. В Кремле полагали, что в Афганистане за набиравшими силу фундаменталистами стоят американцы, чье участие в этих событиях они с самого начала чрезмерно преувеличивали. Афганистан занимал мысли Устинова, Андропова и Александрова-Агентова исключительно в свете состязания между СССР и США, где выигрыш одной стороны означает проигрыш другой*. Сосредоточение громадной американской военно-морской группировки в Персидском заливе после захвата 4 ноября 1979 г. «студентами — сторонниками Имама» посольства США в Тегеране встревожил советский Генеральный штаб. Генерал Валентин Варенников[3] вспоминал, что в это время «нас беспокоило, как бы США, после того как их выкинули из Ирана, не переместили бы свои базы в Пакистан и Афганистан». Как утверждают, министр обороны Устинов возмущался: американцы заняты военными приготовлениями прямо у нас под носом, а мы почему-то должны таиться, изображать деликатность и терять Афганистан**. В подобных обстоятельствах поступившие из Кабула сообщения сотрудников КГБ о том, что Амин ведет двойную игру и втайне встречается с американцами, вызывали в Москве особую озабоченность. Сообщения были непроверены и неосновательны. Но семена подозрительности взошли быстро, так как упали в благодатную почву, подготовленную несколькими годами ранее предательством Анвара Садата и недавним убийством Тараки.

Решение СССР убрать Амина и «спасти» Афганистан является ярким примером «группового мышления» в самом верхнем эшелоне советского руководства и прежде всего среди членов триумвирата, отвечавших за внешнюю политику и безопасность. В какой-то момент в октябре-ноябре 1979 г. Андропов поддержал позицию Устинова, и они вдвоем начали разрабатывать план введения войск. Затем на это дали свое согласие Громыко и Александров-Агентов. Непосредственные участники этой ин-

---

* *Кеворков В.* Указ. соч. С. 243.

** О захвате американских заложников в Тегеране и ответных действиях США см.: *FarberD.* Taken Hostage: The Iran Hostage Crisis and America's First Encounter with Radical Islam. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2004; об опасениях советского руководства см.: Валентин Варенников, материалы Lysebu II. С. 73; *Брутенц К. Н.* Указ. соч. С. 477.

триги держали все приготовления в глубочайшем секрете, даже от остальных членов Политбюро, а также от собственных референтов и аналитиков. С точки зрения триумвирата, главнейшей задачей было склонить на свою сторону Брежнева. В начале декабря 1979 г. Андропов представил генсеку записку с доводами в пользу военного вторжения. Он писал: «Сейчас нет гарантий, что Амин, стремясь утвердить личную власть, не переметнется на Запад». В письме предлагалось свергнуть Амина и привести к власти в Кабуле членов другого крыла НДПА — парчамистов, которые бежали от Амина за границу*.

Ставшие сегодня доступными документы показывают, что основной пункт в логике Андропова — грозящее предательство Амина — возник практически на пустом месте. Глава КГБ, похоже, исполнил ту же роль, какую он сыграл в 1968 г. во время Чехословацкого кризиса: информацию о положении в стране он подавал либо неполную, либо и вовсе неверную только для того, чтобы добиться от Леонида Ильича согласия на ввод войск[4]. 9 декабря Андропов и Устинов сообщили Брежневу о том, что велика вероятность размещения американцами ракет среднего радиуса в Афганистане, которые могут быть нацелены на важнейшие советские военные объекты на территории Казахстана и Сибири. Устинов предложил воспользоваться как предлогом неоднократными просьбами Хафизуллы Амина об оказании стране военной помощи и направить в Афганистан ограниченный контингент советских войск. Уже находившиеся в Кабуле группы «коммандос» КГБ и ГРУ, а также называемый «мусульманский батальон», рекрутированный из представителей народов Средней Азии, должны были устранить Амина и обеспечить гладкий переход власти к другому политику, ставленнику Москвы. Заговорщики рассчитывали вывести основные советские силы из Афганистана сразу же после того, как новый режим стабилизируется**.

Даже на этом этапе было еще не поздно опровергнуть доводы в пользу военного вмешательства, если бы кто-нибудь из посвященных в разработку операции выразил беспокойство по поводу серьезных последствий подобного шага для политики разрядки. Однако на этот раз ни Брежнев, ни Громыко этого не сделали.

---

* Текст личного письма Андропова Брежневу и содержание информации Андропова и Устинова Брежневу в начале декабря 1979 г. зачитал на международной конференции в Осло бывший посол СССР в США Анатолий Добрынин; см. материалы Lysebu II. С. 91–93; а также *Westad O. A.* Fall of Ddtente. P. 134–135.

** На эти факты ссылается Добрынин, см.: материалы Lysebu II. С. 91–93; цитируется в кн.: *Westad O.* A. Fall of Détente. P. 135.

Осенью 1979 г. разрядка быстро шла ко дну. Та незначительная аура доброй воли, которая возникла во время встречи Брежнева с Картером, угасла без следа. По настоянию нескольких сенаторов-демократов, стремившихся уцелеть на выборах, Белый дом поднял ложную тревогу по поводу присутствия советской воинской бригады на Кубе. На деле эта «бригада» была группой советских военных советников, которые присутствовали на острове уже многие годы. Обвинения Москвы в нарушении соглашений 1962 г. было полностью надуманным. Этот странный предвыборный фортель администрации еще больше насторожил кремлевских руководителей, им уже казалось, что кто-то в Вашингтоне решил бросить Советскому Союзу вызов по всем направлениям*.

Окончательно чашу весов в пользу ввода войск в Афганистан склонило решение НАТО разместить в Западной Европе стратегическое ядерное вооружение нового поколения — ракеты «Першинг-2» и крылатые ракеты. Это решение, официально принятое 12 декабря на специальной встрече министров иностранных дел и министров обороны стран НАТО в Брюсселе, прогнозировалось советскими экспертами еще за несколько дней до начала Брюссельской встречи. Такой прогноз добавлял весомости аргументам Устинова и Андропова, которые на встрече с Брежневым 8 декабря подчеркивали, что афганская проблема связана с общим ухудшением стратегической ситуации для СССР и что американские ракеты могут также быть размещены в Афганистане**.

Советские военные были единственными, кто открыто возражал против планируемого ввода войск. Перед началом заседания Политбюро по афганскому вопросу во время неофициального обмена мнениями начальник Генерального штаба маршал Николай Огарков высказал вслух Брежневу и членам триумвирата свои замечания, а также замечания своих коллег. Он ссылался на возможные трудности, подстерегающие советские войска в незнакомой и тяжелой обстановке, и еще раз напомнил партийным руководителям о том, что опасения, связанные с враждебной деятельностью американцев в этом регионе, неосновательны. Однако Устинов был в натянутых отношениях с Огарковым и резко осадил его: «Вы что, будете учить Политбюро? Вам надлежит только вы-

* Этот параграф основан на материалах конференций в Лисебу, Масгроув и Форт-Лаудердэйл, а также на свидетельствах советских ветеранов холодной войны, которыми они делились с автором в частных беседах во время этих конференций.

** Добрынин, см.: материалы Lysebu II. С. 91–93; *Westad O. A.* Fall of Ddtente. P. 135; о «последней капле» см.: *Ляховский А.* Пламя Афгана. С. 123.

полнять приказания». Уже на самом заседании Политбюро Огарков снова попытался предупредить о серьезных последствиях ввода войск. «Мы настроим против себя весь мусульманский Восток и понесем политический ущерб в мире». На этот раз Андропов оборвал его: «Занимайтесь военными делами. Предоставьте принимать политические решения нам, партии и Леониду Ильичу». В тот день решение по Афганистану на Политбюро все же не было принято. Через два дня, 12 декабря, Андропову, Устинову и Громыко стало известно о том, что НАТО собирается разместить «Першинги» и крылатые ракеты в Европе. На этот раз члены Политбюро одобрили план Устинова — Андропова по «спасению» Афганистана: свергнуть Амина и одновременно ввести войска. Немощный Брежнев заметно волновался, когда ставил дрожащей рукой свою подпись на этом решении*.

Официальному заявлению Москвы о том, что правительство в Кабуле само обратилось к Советскому Союзу с просьбой защитить его, никто не поверил, тем более что положение усугубилось из-за топорных действий сотрудников КГБ. Сначала они попытались отравить Амина, а после того, как яд не подействовал, бойцы спецназа взяли штурмом его дворец, устроив там бойню (некоторые из них погибли сами). Это был уже не гладкий, а кровавый переворот, и он вызвал яростную реакцию в США и возмущение во всем мире. Здание советско-американской разрядки, и без того находящееся в плачевном состоянии, рассыпалось в прах после санкций Картера. Свидетели из окружения генсека вспоминали, что он сильно переживал крах отношений с Вашингтоном и начал смутно сознавать, что ввод войск в Афганистан был грубейшей ошибкой. Александров-Агентов в воспоминаниях обронил любопытное свидетельство: однажды Брежнев обратился к Андропову и Устинову с упреком: «Ну и втянули вы меня в историю!**

Карьера Брежнева как международного миротворца подошла к своему, весьма безрадостному, концу. Черняев записал в дневнике: «Думаю, что в истории России, даже при Сталине, не было еще такого периода, когда столь важные акции предпринимались без намека на малейшее согласование с кем-нибудь, совета, обсуждения, взвешивания — пусть в очень узком кругу. Все — пешки, бессловесно и безропотно наперед готовые признать правоту

---

* *Ляховский А.* Трагедия и доблесть Афгана. С. 109; *Он же.* Пламя Афгана. С. 121; Варенников, см.: материалы Lysebu II. С. 85–86.

** *Александров-Агентов А. М.* От Коллонтай до Горбачева. Воспоминания. М., 1994. С. 246–247; признание Добрынина в кн.: *Westad* O. A. Fall of Ddtente. P. 141–142.

и необходимость любого решения, исходящего от одного лица — до чего, может быть, это лицо и не само додумалось (в данном случае — наверняка так!). Мы вступили уже в очень опасную для страны полосу маразма правящего верха, который не в состоянии даже оценить, что творит и зачем*. Черняев вместе с другими немногими свободомыслящими функционерами в центральном партаппарате надеялся на чудо, которое помогло бы Советскому Союзу пережить этот опасный период.

* Записи Черняева, 30 декабря 1979 г.: NSARch.